



ОБРАТНАЯ СТОРОНА НЕТЛАНДИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

— МАЙЯ РИДДЛ —

18+

Майя Риддл

Обратная сторона Нетланди

<https://litres.ru/74606789>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нетландия не является тем сказочным и волшебным уголком, который привыкли представлять в сказках; это вовсе не место, где желания сбываются по мановению руки, а добрые чудеса случаются сами собой. На самом деле, это суровый, окутанный мраком и тенями остров, где само понятие магии лишено светлого ореола — здесь магия является первобытной, необузданной и опасной силой, подчиняющейся лишь самым жестоким законам. В этом суровом мире чувства становятся обузой, а любовь признается лишь фатальной слабостью, способной погубить любого, кто осмелится ее проявить.

Всё изменилось после того, как на эти земли было наложено древнее и разрушительное проклятие. С того рокового момента всё живое начало стремительно увядать.

Сможет ли Питер Пэн, принявший на себя бремя ответственности, найти способ восстановить былое величие Нетландии и сокрушить древнее проклятие? Какую непомерную цену придется заплатить за возвращение света, и готов ли он пожертвовать самым дорогим, чтобы вернуть остров к жизни?

Содержание

От автора	4
Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	43
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Майя Риддл

Обратная сторона Нетланди

От автора

Дорогая читательница, дорогой читатель,

Если ты здесь, значит, тебя привлекла тьма. Признайся: тебе всегда было интереснее, что скрывается в тени, чем то, что стоит на свету. Тебе всегда хотелось узнать, что чувствует злодей, почему он стал таким и можно ли его спасти.

Эта книга — для тебя.

Здесь будет любовь. Но не та, что согревает — та, что обжигает. Здесь будет магия. Но не та, что даёт — та, что забирает. Здесь будут герои. Но не те, что спасают — те, что выживают.

И здесь будет Нетландия. Моя Нетландия. Такая, какой я её вижу: красивая, жестокая, живая. Она не отпустит тебя до последней страницы.

А может, и после.

Приятного чтения. И будь осторожна: тени здесь настоящие.

Пролог

Эта история — не о мальчике, который не хотел взрослеть.

Она о том, что случилось, когда он всё-таки вырос.

Она о девушке, которая должна была его убить.

И о любви, которая оказалась сильнее смерти — но слабее проклятия.

Добро пожаловать в Нетландию. Обратной дороги нет.

История Нетландии...

Нетландия — это не просто остров, это мистическое, окутанное туманами и легендами пространство, загадочный мир, где каждый путник, рискнувший переступить его порог, может обрести абсолютную свободу и получить всё, о чем только смеет мечтать его воображение. Это место, пропитанное духом бесконечного веселья, неудержимых вечеринок и вечного, незамутненного детства. В центре этого хаоса радости стоит фигура правителя — мальчика, чье имя маленькие дети произносят с трепетом, благоговением и безграничным восхищением. Каждый ребенок, слыша это имя, мечтает стать тем самым «потерянным мальчиком», обретая бессмертие в играх. В детских фантазиях никто не желал взрослеть, подчиняться строгим правилам и жить по указке родителей, следующим скучным социальным нормам. Но это была лишь сказка, красивая декорация для сна.

В суровой реальности Нетландия — это не плод детских грез, а сложная, пугающая конструкция, созданная руками не невинного ребенка, а изломанного, взрослого мужчины. Это измерение представляет собой кошмарный коллаж, сотканный из осколков реальности, которые были насильно вырваны и украдены у множества различных миров. Оно существует вне привычных законов физики, вне течения времени и вне границ пространства. Путь туда закрыт для обычных смертных; попасть в это измерение можно лишь через зловещие теневые врата или если сам Питер Пэн лично соизволит бросить тебе приглашение.

На первый взгляд снаружи Нетландия кажется обычным островом, но это глубочайшая, искусная иллюзия, предназначенная для обмана чувств. На самом деле это пространство бесконечно. Стоит лишь сделать шаг вперед, и мир начинает расширяться, становясь всё более масштабным и необъятным. У него нет видимого края — или же он существует, но постоянно трансформируется, ускользая от любого, кто попытается его найти. Это место населено существами из легенд: здесь можно встретить грациозных фей, грозных пиратов, изящных эльфов и русалок, чьи песнопения способны погрузить слушателя в глубокий, необратимый транс. Здесь процветают диковинные виды животных — от величественных единорогов до мифических фениксов, восстающих из пепла. Красота этого места ослепительна и парализует волю, но в этот мир не ступает нога человека без

особого зова. «Незримый» мир, название которого в Нетландии запрещено произносить даже шепотом. Это Человеческий мир — та самая реальность, из которой когда-то сбежал сам Питер Пэн.

Тот, кто держит в руках бразды правления этими землями, — не просто лидер, он король, абсолютный повелитель и господин для всех Потерянных. Он обладает безграничной властью: подчиняет себе волю существ и творит невероятные, пугающие вещи, которые могут стать как высшим наслаждением, так и мгновенным билетом в объятия смерти. В сказках Питер Пэн был добрым мальчиком, но если сорвать золоченую обложку, так ли он хорош на самом деле?

Дневное время в Нетландии лишено тепла. Небо здесь всегда затянуто тяжелыми серыми облаками. Солнца не существует — вместо него сквозь мглу пробивается лишь бледный, холодный свет, который не способен согреть кожу. Тени здесь кажутся живыми: они длинные, густые и иссиня-черные. Лес в эти часы кажется живым организмом, который постоянно шепчет что-то таинственное. Ручей журчит монотонно, словно читает заклинание, а величественные горы стоят в тяжелом, гнетущем молчании.

Но когда наступает ночь, мир преобразается. Небо становится иссиня-черным, лишенным звезд; вместо них — лишь абсолютная, непроглядная тьма. Однако именно ночью лес начинает светиться призрачным светом, и в этом сиянии отчетливо видны глаза Потерянных, следящих за каждым дви-

жением. Ручей меняет свой тон: вместо журчания он поет голосами тех, кто нашел свой конец в его водах. А горы, чье молчание было пугающим днем, ночью начинают кричать — их эхо состоит из предсмертных воплей тех, кто разбился о скалы.

Раз в месяц Питер устраивает ритуал, называемый затмением. Он окутывает небо непроницаемой тьмой, и в этот миг все Потерянные приходят в движение. Они пробуждаются от своего сна, выходят из чащи леса и единой массой движутся к замку, замирая в ожидании его единственного приказа.

Сам Питер никогда не стремился к политической власти или государственному управлению. Его единственным желанием была свобода — возможность вырваться из удушающей, токсичной связи с матерью. Ирония заключалась в том, что он искренне любил её, несмотря на то, каким чудовищем она была в действительности. Он также любил своего брата... Но одна-единственная мысль об этом мальчике до сих пор заставляет его сердце сжиматься в мучительной, невыносимой боли.

В их семье не было отца. Все жизненные нужды, все тяготы и бремя ответственности мама Питера добровольно или вынужденно возложила на свои плечи. И в какие-то моменты всё казалось идеальным. Она каждое утро с нежной заботой готовила им завтрак — яичницу и сладкие блинчики со сгущенкой. Она провожала их в школу, а по вечерам читала сказки, которые сочиняла сама, создавая иллюзию безопас-

ности. Она тепло улыбалась, гладила их по головам и шептала:

— Вас никто не сможет у меня забрать. Даже он...

Они не понимали, о ком идет речь. Любовь и домашний уют казались незыблемыми. Но что могло разрушить этот хрупкий, волшебный пузырь? Только полное отсутствие истинной любви. Питер осознал это слишком рано. Он понял, что весь этот уют — лишь искусная декорация, маска. Его мать была больна — душой, разумом, самой сутью.

В один из тех редких теплых дней Питер возвращался домой и внезапно услышал звук, который навсегда разделил его жизнь на «до» и «после» — плач брата. Этот крик не доносился из уютной гостиной или кухни; он шел снизу, из подвала. Того самого места, куда «чудовище» иногда запирало его. Подвал был погружен в густую тьму, и лишь одинокая, едва мерцающая лампочка, свисающая с потолка, освещала страшную картину: его младший брат сидел на холодном полу, прижав колени к груди, и рыдал от невыносимого ужаса.

— Мамочка, не делай мне больно, — доносились его отчаянные, захлебывающиеся вопли.

Питер замер, уставившись на женщину, стоявшую рядом. В тот миг он увидел её истинное лицо — того самого монстра, который причинял боль, который пытал и оставлял на телах неисцелимые шрамы. У самого Питера на спине было множество таких следов: от ударов ножом и ожогов сига-

ретами до рваных ран от осколков стекла и глубоких полос от её любимой плети. Она наносила удары с безжалостной методичностью, не ведая жалости, и при этом непрерывно шептала:

— Ты так на него похож... Ты его точная копия...

В её глазах плескалось нечто запредельное — чистое, неразбавленное безумие. Сейчас она была одета в белое хлопчатое платье, доходившее до щиколоток; ткань казалась слишком большой для её истощенного тела. Волосы, которые Питер привык видеть собранными в тугую, тяжелую косу, были распущены и хаотично падали на плечи. Её руки безвольно свисали вдоль туловища, а в пальцах она сжимала острый, сверкающий осколок стекла. Она не смотрела на плачущего ребенка; её взгляд был направлен в никуда, в пустую пустоту. Это был взгляд безумца — неживой, лишенный человечности, и Питер знал этот взгляд слишком хорошо.

— Мамочка, я больше не буду. Я не хотел разбивать вазу, это вышло случайно... — всхлипывал мальчик, пытаясь буквально вжаться в стену, чтобы стать невидимым, чтобы слиться с камнем.

В этот момент Питер впервые в жизни познал настоящий, парализующий страх. Она никогда не нападала на брата, потому что он был живым воплощением того, кого она одновременно ненавидела и боялась. Ужас сковал его окончательно; он понимал, что жизнь его брата висит на волоске.

— Хватит... — прошептал Питер дрожащим, почти неслышным голосом, делая робкий шаг к матери.

Но она не слышала его. Она пребывала в своем персональном аду, глядя в пустоту. В следующее мгновение острие стекла блеснуло, и резкое движение рассекло воздух. Осколок вошел в плоть с пугающей легкостью.

— НЕТ! — истошный крик ужаса вырвался из груди мальчика.

Он смотрел на кровь, которая начала стремительно заливать пол и стены. Её было слишком много — для одного лишь пореза это казалось невозможным. Питер судорожно перевел взгляд на брата. Тот сидел неподвижно, плач внезапно прекратился, сменившись мертвой тишиной. Глаза мальчика остекленели и были устремлены в пустоту, а всё его тело и лицо начали стремительно покрываться багряными пятнами.

Питер бросился к брату, едва не поскальзываясь в растекающейся луже крови. Он лихорадочно, сорвав ногти, пытался найти место ранения. Из шеи мальчика непрерывной, мощной струей хлестала кровь. Она не останавливалась, сколько бы усилий он ни прилагал, зажимая рану руками.

— НЕТ! НЕТ! НЕТ! — кричал Питер, захлебываясь слезами. — Рэй... Я спасу тебя, слышишь? Я обязательно спасу тебя...

Он продолжал отчаянно давить на рану, озираясь по сторонам в безумной попытке найти хоть что-то, что могло бы

остановить кровотечение. Его взгляд, полный первобытной ненависти, остановился на женщине — той, которую он теперь не смел называть матерью. Дикая, черная ярость бурлила в его жилах; он жаждал её страданий, он жаждал её мучительной смерти. Но смерть оказалась быстрее его желания. Она сама пришла за ней. Тело женщины рухнуло на пол, смешиваясь в кровавой массе с телом её сына. Её пустые, безжизненные глаза, казалось, замерли на Питере, пытаясь заглянуть в самую глубину его израненной души. Она билась в последних конвульсиях, прежде чем жизнь окончательно покинула её тело — точно так же, как она покинула брата.

В тот миг, в этом темном, пропитанном запахом железа подвале, Питер умер вместе с ними. Он остался там, на холодном бетонном полу, в окружении мертвой тишины и беспросветной тьмы. Он не мог сказать, сколько времени прошло: часы, сутки, недели или целая вечность... Время потеряло смысл.

Но затем возник первый признак жизни. Это был крошечный луч света. Он не был похож на солнечный свет, он был иным — неземным, магическим, исходящим из самого мироздания. Этот свет двигался по комнате, словно живое, дышащее существо. Именно это мистическое сияние привлекло внимание Питера, заставив его наконец выбраться из оцепенения и пустоты. Впервые за долгое время он сделал вдох. Этот свет стал его единственной надеждой. Он протянул дрожащую руку, пытаясь коснуться этого призрачного

сияния, и свет, словно почувствовав его зов, сам позволил ему прикоснуться к себе.

Глава 1

Энди

Ослепительные, бесцеремонные солнечные лучи пробивались сквозь окна, заставляя девушку постоянно и болезненно щуриться. Она испытывала глухую неприязнь к свету, к теплу, к самой идее переменчивости природы. Лето казалось ей изнуряющим, весна — обманчивой, а осень — увядающей. Лишь зима, с её ледяным спокойствием, серостью и застывшим безмолвием, имела для неё истинное значение. Сидя за школьной партой, она не думала об экзаменах или будущем; её разум был занят единственным вопросом: как ей пережить следующий, бесконечно тягучий урок. Последний, выпускной класс давил на неё мертвым грузом, погружая в состояние глубокой, беспросветной депрессии. Учёба вызывала лишь тошноту, школа казалась клеткой, из которой не было выхода. Всё, о чём она могла грезить, — это Джей. Она жаждала его объятий, его власти, его постели. Секс был для неё не просто физиологической потребностью, а единственным способом почувствовать себя живой. Она не искала банальной миссионерской близости; ей был необходим качественный, первобытный акт, где она могла бы отдаться во власть истинного удовольствия, не тратя сил на фальшивые стоны и имитацию страсти. Джей умел давать это. Мужчина, который был в два, а то и в три раза старше

неё, он обладал искусством владения не только своим телом, но и своим языком, превращая каждое прикосновение в искусство. Энди, преодолевая скуку, достала телефон и быстро набрала сообщение.

****Энди:**** *«После школы у тебя!»*

****Джей:**** *«Без проблем, детка :) Я заеду»*

Пролистывая бесконечные чаты в поисках очередного отвлечения, она наткнулась на уведомление, которое заставило её сердце пропустить удар. Непрочитанное сообщение от матери: *«После школы немедленно домой!!!»*

Вчера Грейс, её мать, окончательно сорвалась с цепи. Если раньше её пугающие, запредельно странные истории о загадочном острове Нетландии можно было списывать на возраст или стресс, то вчера, когда Энди исполнилось 18, она перешла все границы дозволенного.

— Он придёт за тобой, Энди. Он придёт. Тебе нужно бороться! Ты ни в коем случае не должна идти за ним, иначе он уничтожит тебя! — Грейс говорила это в состоянии пугающего, лихорадочного возбуждения. В её глазах горел безумный, дикий блеск, который сковывал тело Энди ледяным ужасом. Руки матери мелко и неудержимо дрожали, а взгляд блуждал по комнате, словно она видела там невидимых врагов.

После того трагического случая в детстве, когда Грейс была похищена, её жизнь превратилась в руины. Спустя три года мучительного заточения в Нетландии она вернулась в

реальный мир совершенно сломленной, потерявшей связь с действительностью. Она пребывала в состоянии перманентного психоза, не осознавая, где находится. Она твердила и повторяла, словно заведенная кукла, что какой-то юноша, чье имя она боялась даже шептать, похитил её и лишил рассудка. Она подверглась тому, что нельзя назвать иначе как тотальным моральным и психологическим насилием. Галлюцинации, зыбкие иллюзии и жестокие игры с чувствами полностью разбили её психику. Всё, что знала Энди из рассказов бабушки, сводилось к одной мрачной притче о мальчике, чьё сердце было так жестоко разбито, что покрылось непроницаемой коркой льда, превратив его в безжалостное и холодное существо.

— Что с ним случилось, ма? — спрашивала маленькая Грейс, замороженная этой мрачной сказкой. Любопытство было её проклятием, но магический мир, о котором говорила бабушка, обладал слишком сильным магнетизмом.

— Ему разбили сердце... — этот ответ она слышала снова и снова, как заезженную пластинку.

Грейс так и не узнала всей правды этой истории. Даже когда ей довелось столкнуться с самим этим чудовищем, он не просил пощады — он лишь требовал, чтобы она сняла с него проклятие.

Энди резко вырвалась из тяжелых раздумий. Она еще раз перечитала сообщение и, решительно выключив телефон, направилась к выходу. Стоило ей выйти из массивного зда-

ния школы, как её взгляд упал на Джея, вальяжно сидящего на своем мотоцикле. Не раздумывая, она подбежала к нему и впилась в его губы страстным, требовательным поцелуем. Он не только не отстранился, но и ответил с той же неистовой силой, словно их языки вступили в яростную, первобытную схватку.

Внезапный, резкий кашель за спиной заставил их вздрогнуть.

— Миссис Дарлинг, подобное поведение на территории учебного заведения абсолютно недопустимо! — строгий, пронзительный голос директрисы заставил пару болезненно оторваться друг от друга. — А вам, молодой человек, должно быть стыдно за такое бесстыдство.

Женщина, что-то недовольно бубня под нос, поспешила удалиться. Энди, не выдержав, разразилась коротким смехом.

— Знала бы она, сколько тебе на самом деле лет, — она с неприкрытым интересом и лукавством окинула его фигуру взглядом, — она бы немедленно вызвала полицию.

— Детка, у нас разница в двадцать лет, это всего лишь цифры. Главное, что моя внешность не выдает прожитые годы, — усмехнулся Джей.

— Это правда. Ну что, едем к тебе? — Она натянула протянутый ему шлем, уселась на мотоцикл и крепко обвила руками его торс, прижимаясь всем телом.

— Конечно.

Дорога заняла не более часа, но для Энди это время пролетело как одно мгновение в ожидании. Поднимаясь в его квартиру, они оба были охвачены единым, неистовым желанием. Как только дверь комнаты Джея захлопнулась, их губы вновь встретились в горячем, почти болезненном поцелуе. Тихий, сдавленный стон сорвался с губ Энди, когда рука мужчины начала свое путешествие по её телу, властно сжимая ягодицы. Резкий, жесткий шлепок заставил её вскрикнуть от смеси боли и удовольствия.

— Какое любопытное зрелище... — внезапно раздался холодный, пробирающий до костей мужской голос, заставивший их обоих замереть на месте.

Энди резко повернула голову, пытаясь взглянуть в густую темноту, в которой скрывался этот голос. Но в комнате царил мрак; шторы были плотно задернуты, не пропуская ни единого луча.

— Какого хера?! — выкрикнул Джей, выходя из оцепенения.

Джей отстранился от Энди, лихорадочно пытаясь нащупать выключатель, но не успел. Неизвестная, тяжелая рука мгновенно прижала его к стене. Пальцы стальной хваткой сомкнулись на его горле, перекрывая кислород. Пронзительный, захлебывающийся крик разлетелся по помещению, от которого по коже Энди пробежал ледяной пот ужаса. Она не могла пошевелиться, парализованная страхом. Перед ней, в полумраке, стояла черная тень, лишенная лица. У этой тени

был силуэт человека, но в ней не чувствовалось ни грамма жизни, ни капли души.

— Страх... ммм... — раздался едва уловимый, интимный шепот прямо над её ухом, от которого по всему телу прошла судорога. — Вот я и добрался до тебя, Энди.

Незнакомец склонился к ней, проводя носом по её шее и глубоко, жадно вдыхая её запах. Он помнил этот аромат. Он был в точности таким же, как у неё... у той женщины, которая когда-то вырвала его сердце, не зная жалости, и, не моргнув и глазом, разнесла его вдребезги.

— Вы все, Дарлинг, пахнете одинаково. Гнилью... — Он грубо схватил её за руку, поворачивая её лицо к себе.

Первое, что она смогла различить в этом кошмаре, — это темный капюшон, скрывающий черты его лица. Его голос был пугающим, пустым, лишенным всяких эмоций; он резал слух, словно ледяное лезвие.

— К-кто ты? — слова давались ей с огромным трудом, сердце колотилось в груди, как пойманная птица.

— Я — кошмар, который пришел за тобой.

Это было последнее, что она услышала, прежде чем он с безразличием развернул её обратно к молодому человеку.

— А теперь смотри, как умирает твой возлюбленный.

Ей даже не нужно было оборачиваться, чтобы почувствовать его зловещую, торжествующую усмешку. Тень сжала горло Джея с утроенной силой. Его лицо стремительно синело, глаза налились кровью и, казалось, вот-вот вырвутся из

глазниц под невероятным давлением. Еще несколько мучительных секунд — и тело Джея стало неподвижной массой. Тень исчезла так же внезапно, как и появилась.

— А теперь... усни...

Прежде чем сознание окончательно покинуло её, перед глазами Энди застыла последняя, леденящая душу зловещая улыбка.

Глава 2

Динь

Прошное...

Моя история началась ещё задолго до появления Нетландии. Мы, феи, были основателями маленького острова, который назывался «Долина Шёпота».

За хрустальной завесой водопада, там, где воздух гуще от аромата ночных цветов, лежит Долина Шёпота — обитель фей. Сюда не доходят звуки людского мира: вместо них здесь слышны лишь перезвон крыльев, смех русалок в далёком ручье и песня ветра, запутавшегося в листве.

В самом сердце долины, на поляне, поросшей серебристым мхом и незабудками, растёт «Сердце Фей» — исполинское дерево, которому нет названия в человеческом языке.

Его ствол — не просто кора, а живое кружево из переплетённых лиан, светящихся изнутри мягким янтарным светом. Каждая трещина в нём — это чей-то сон, забытый или ещё не рассказанный. Листья дерева не опадают: они превращаются в фей, когда приходит их час. А когда фея устаёт от вечности, она возвращается на ветвь и засыпает, снова становясь листом — так замыкается круг.

С ветвей струится золотая пыльца, оседающая на крылья фей, и от этого их полёт оставляет за собой светящийся след. В дупле дерева бьётся пульс — медленный, тёплый.

лый, как биение сердца спящего ребёнка. Говорят, если приложить ухо к коре, можно услышать имена всех фей, когда-либо живших в долине.

Ночью «Сердце Фей» распускает флуоресцирующие цветы, и вся поляна превращается в море голубого света. Тогда феи собираются в хоровод вокруг ствола и танцуют до рассвета — не потому, что должны, а потому, что не могут иначе: дерево зовёт их, и они отвечают.

Здесь нет времени. Есть только вечное сейчас — и дерево, которое помнит всё.

Мама каждую ночь рассказывала мне легенду о том, как появилось «Сердце Фей».

Давно, когда мир был ещё молод и звёзды висели низко, не было ни фей, ни долины — только одна девочка, которая не хотела взрослеть.

Она жила на краю мира, где земля обрывалась в пустоту. Каждый вечер она приходила к обрыву и смотрела, как солнце падает за край. Однажды она спросила у солнца:

— Почему всё должно заканчиваться?

Солнце не ответило. Но в тот миг, когда оно скрылось, из темноты вылетела искра — маленькая, тёплая, живая. Девочка поймала её в ладони и почувствовала: это смех, который не успел прозвучать. Чей-то забытый смех.

Она решила его сохранить.

Девочка сплела из своих волос корзину, положила туда искру и стала искать место, где её можно спрятать от

времени. Она шла семь дней и семь ночей, пока не пришла к мёртвому камню посреди пустой земли. Камень был холоден, как забвение, и девочка поняла: здесь.

Она опустила корзину в трещину камня и заплакала — от усталости, от одиночества, от того, что не хотела отпускать этот смех. И слёзы её упали на искру.

Искра проросла.

Из камня поднялся росток — тонкий, светящийся, живой. Девочка осталась рядом, чтобы защитить его. Она пела ему, когда дул ветер. Она укрывала его крыльями из листьев, которые плела сама. Она отдавала ему свои сны — один за другим, чтобы он рос быстрее.

На седьмую ночь росток стал деревом. А девочка — первой феей. Она поняла: дерево забрало её сны не для себя. Оно превратило их в других фей — таких же, как она. И вскоре долина наполнилась смехом, которого раньше не было нигде.

Говорят, что первая фея до сих пор спит в самом сердце ствола. И если однажды дерево начнёт умирать — она проснётся.

Но пока «Сердце Фей» бьётся — она просто смотрит сны. И иногда, если очень тихо подойти к коре, можно услышать, как она напевает колыбельную, которую пела ростку в самую первую ночь.

И я верила, я верила, что эта девочка — наша прародительница. Но единственное, что было ложью в этой легенде, — это то, что даже когда «Сердце Фей» горело в пламе-

ни, никто не проснулся, никто не пришёл спасать нас.

Я родилась очень маленькой, не такой, какими были другие феечки, очень хрупкой, со светлыми, как снег, волосами и небесно-голубыми глазами. Моя семья любила меня больше своей жизни. Мама всегда говорила, что мне предназначено изменить этот мир, сделать его ещё лучше. И я в это верила, с интересом слушала сказки и истории, которые она так любила мне читать перед сном.

Когда мне исполнилось шесть, мои родители удочерили трёх феечек. Они были потрясающими, самые прекрасные создания. Внутри зародилось твёрдое чувство — защитить их. Я любила и люблю каждую из них. Они мои сёстры. Но больше всего я любила проводить с ними время.

Из нашей компании самой маленькой была Сильвер. Девочка с невероятно красивыми, как фиалки, глазами; они меняли цвет, становились ярко-жёлтыми, стоило ей увидеть то, что никто не видит. Мама говорила, что она видит будущее.

Мэй старше Сильвер на четыре года. У неё ярко-розовые волосы, чёрные, как сама ночь, глаза и веснушки, много веснушек. Сила Мэй приносила вред как другим, так и ей самой, поэтому она ею не пользовалась.

Джозефина — моя ровесница. Девочка с красивыми длинными волосами и необычным разрезом глаз. Она уже в свои двенадцать лет могла расщеплять деревья в щепки, а стены рушить, не касаясь их. Её стоило бояться.

Что же касается моих способностей — они не пробудились. Вот уже как семнадцать лет я обычная фея, такая же, как многие другие.

У нас в долине только само «Сердце Фей» решает, кого наделить силой и магией, а кого нет. Видимо, я не являюсь исключением. Раньше меня это расстраивало, но сейчас нет. Сейчас меня волновало увидеть ту сторону жизни, куда нам запрещалось вступать. И вот когда мне исполнилось восемнадцать, я решилась.

Интерес к другому, иному миру пленил меня. У меня был план: вместе со своими сёстрами поздно вечером отправиться на поиски загадочного корабля, о котором часто рассказывала мама. Этот корабль принадлежал неизвестному существу, у которого вместо руки — крюк, а на лице множество шрамов. И тот, кто попадал на его корабль, не возвращался оттуда. Называйте меня кем хотите, но я хотела узнать, так ли это на самом деле.

Мы собрали всё необходимое, то, что нам понадобится для путешествия, хоть оно и займёт ночь. Но внутри было приятное волнение, хотелось уже пойти на поиски, но мы ждали, ждали темноты, когда все феи соберутся вокруг дерева.

Я была в своей комнате, когда ко мне без стука зашла Джозефина. Она с серьёзным лицом села на кровать и в который раз — я уже сбилась со счёту — спросила:
— Ты уверена?

Я видела её страх и разделяла эти чувства. Но если не попробовать, будешь всю жизнь жалеть. А мне этого не хотелось.

— Да. Если ты нет, то можешь остаться и подстраховать нас, — ответила я, переодеваясь в удобную одежду, состоящую из обтягивающих лосин, красного корсета и чёрной накидки в виде плаща.

— Но родители... Они не заметят нашего исчезновения?
— продолжала Джо.

— Это всего лишь на одну ночь, они даже не заметят. Просто делай вид, что всё хорошо.

Джо тяжело вздохнула.

— У меня плохое предчувствие. И оно не только у меня. Сильвер видела пламя, оно было повсюду, крики и много крови, золотой крови...

Я замерла. Холодок пробежал по спине только от одной мысли о том, что кто-то в долине Фей может пострадать. Но видения Сильвер не всегда были правдивы и сбывались. Поэтому и сейчас нет такой гарантии, что это видение будущего, а не её внутренние страхи и переживания. Этим я и поделилась с Джо.

— Да, ты права. Я просто боюсь.

— Знаю. Но неужели тебе не хочется увидеть жизнь за водопадом, то, что вдали от нашего дома?

Глаза Джо загорелись интересом, она хотела познать другой мир так же, как и я, и найти тот волшебный ко-

рабль. Знайте вот что: если бы вы жили много лет только в одном месте и слышали о другой жизни, не видя её, вам бы тоже захотелось узнать, что она из себя представляет, увидеть своими глазами. Поэтому и нам хотелось вырваться хотя бы на миг из этого гнезда.

Я ещё не знала, что этому желанию не суждено сбыться. А всё, что было сказано Сильвер, станет нашим кошмаром.

Глава 3

Питер

— Брат, ты уверен, что это была стратегически верная идея? Ну, знаешь, в плане... Мы могли бы её и не держать на цепи, как домашний скот. Она же выглядит такой беззащитной, просто хочется её обнять или... ну, не знаю, подкормить, — Кай не переставал жужжать над моим ухом, словно назойливая муха, которая слишком много о себе возомнила.

В этот момент мне дико захотелось не просто дать ему подзатыльник, а провести полноценный мастер-класс по полету в стену, чтобы он наконец-то перестал испытывать моё и без того критически низкое терпение. Я чувствовал, как внутри закипает раздражение. Слишком много ресурсов, слишком много магической энергии ушло на то, чтобы перетащить эту девчонку через пространственный разлом в мой мир. Я и так с каждым днём чувствовал, как угасаю, превращаясь в подобие бездушной, выцветающей оболочки, которая едва имитирует наличие эмоций. И в довершение всего, последние пятьдесят лет мой график выглядит как бесконечный сериал «Похититель Дарлингов»: лететь в человеческий мир и вылавливать очередную представительницу этого проклятого рода.

Боже, как же меня всё это достало.

Непрошенные воспоминания, словно старые навязчивые

мысли, сами собой всплыли в голове, мешая сосредоточиться на текущем кошмаре. Когда-то я знал, что такое любовь. Настоящая, жгучая, не дающая дышать...

После смерти брата внутри меня не просто образовалась пустота — там образовался вакуум, который засасывал всё живое. Лёжа с его телом на руках на ледяном, пропитанном ужасом полу того подвала, я и представить не мог, что тот единственный, милосердный огонёк света в конце туннеля не просто выведет меня из тьмы, а перенесёт в иное измерение. Он позволил мне создать Нетландию — мир, который я вылепил из собственной боли, не подвластный законам их никчемной реальности.

Здесь я — абсолютный повелитель, демиург, творец всего живого. Все Потерянные, которые по глупости или по зову судьбы оказывались в моих владениях, подчинялись мне беспрекословно. Так было всегда. Но сейчас большая часть моих подданных превратилась в неконтролируемую угрозу, и всё это — из-за одной женщины, которая была слишком труслива, чтобы полюбить меня.

Венди... Моя безумная красавица... Моя колючая роза...

Наша история с самого начала была написана на битом стекле. Прибывая в человеческий мир в поисках потерянных мальчишек, я наткнулся на неё. Она сидела у зеркала, в лучах закатного света, медленно и грациозно проводила расчёской по волосам, что-то тихо напевая под нос. Мелодия её голоса... это был не просто звук, это был звон маленьких

хрустальных колокольчиков, который проникал прямо под кожу, завораживая и лишая воли. Я прятался за шторкой, как какой-то побитый жизнью шпион, и просто наблюдал. Семь ночей подряд я проводил в этом странном, почти религиозном ожидании. Каждый раз, когда я возвращался к её окну, моё сердце колотилось так бешено, словно решило совершить побег из грудной клетки. Она была единственной, кто давал мне ощущение, что я всё ещё существую.

Она была воплощением совершенства. Нежная, скромная, естественная — как роза, которая не нуждается в искусственном свете. Её волосы цвета тёмного шоколада с тем самым магическим фиолетовым отливом на солнце напоминали лепестки лесной фиалки: в тени они казались почти чёрными, но под лучами света вспыхивали глубоким сиреневым цветом. Глаза — бездонные, синие, с загадочным переливом: днём они были прозрачно-голубыми, как летнее небо, а к вечеру густели до насыщенного индиго. А кожа... бледная, с едва уловимым, нежным румянцем, словно цветок, который привык расти в тени, оберегаемый от яростного солнца.

Даже её характер был частью этого образа. Я часто видел её улыбающейся, танцующей в одиночестве по комнате. Эти мимолетные кадры запечатлелись в моей памяти, как шрамы, всплывая в самые темные моменты моего одиночества.

Я долго играл в наблюдателя, прежде чем решился на этот шаг — забрать её в свой мир.

— Аууу! Эй, Питер! Ты там что, в астрал ушёл или просто

решил косплеить камень? Ты меня вообще слышишь?

Голос Кая выдернул меня из меланхоличного забвения. Я медленно, с явным неохотой, поднял голову и хмуро уставился на этого мелкого наглеца.

Кай — один из тех самых Потерянных. Когда-то он, вместе со своими приятелями Вэстом и Джаспером, жил в приюте, и их жизнь была далека от сказочной. Они были настоящими выжившими: ежедневное насилие со стороны сверстников и воспитателей сделало их преждевременными стариками в телах мальчишек. Когда я впервые их увидел, они были настолько худыми, что кожа буквально обтягивала кости. В их взглядах не было детского любопытства — только тяжёлая, осознанная усталость от жизни. Именно эта сломенность заставила меня забрать их.

Сейчас они уже не те трясущиеся осинки, взрослые парни. Я наделил их силой и стал им кем-то вроде старшего брата — роль, которую я так и не успел сыграть для Рэя...

— Да что с тобой сегодня? Ты что, решил принять обет молчания или просто забыл, как пользоваться речевым аппаратом? — Кай продолжал подначивать, и это начинало по-настоящему бесить.

— Съебись уже в туман. Я хочу просто посидеть в тишине, — огрызнулся я, стараясь сдержать желание использовать магию.

Мне катастрофически не хватало энергии. А восстановить её можно было только одним способом: проспать как мини-

мум трое суток, иначе я превращусь в ходячий овощ с крайне скверным характером.

— Ладно-ладно, не кипятись... Видимо, пока ты там занимался героическим похищением девчонки Дарлинг, она случайно откусила тебе яйца, и теперь ты такой молчаливый, — этот идиот разразился таким громким хохотом, что, казалось, стены моей комнаты должны были треснуть.

Время для меня словно замедлилось, превращаясь в густой кисель. В следующее мгновение я уже не сидел на кровати, а стоял вплотную к этому сумасшедшему. Моя рука стальной хваткой сомкнулась на его шее. Ему, похоже, было абсолютно плевать на близость смерти — он продолжал скалиться, даже когда его лицо начало приобретать тревожный багровый оттенок.

— Питер, брось, отпусти этого ненормального! — подал голос Джаспер, появившийся из ниоткуда. — У него, небось, уже член встал от того, что ты его душишь!

Джаспер — брат-близнец Кая. После того как я наделил их магией, его внешность стала чуть более выразительной, но вот их дурацкие характеры остались неразделимы. И эти двое, мать их, снова не унимались. Раньше их интересом были только глупые издевательства над младшими, но теперь... Теперь их внезапно захватила новая тема — девчонка из рода Дарлинг. Что за чертовщина?

— Какого хера вы вообще забыли в моей комнате? И где Вэст? — я устало выдохнул и, наконец, разжал пальцы, поз-

воляя Каю судорожно глотать воздух. Я рухнул на кровать. Спать хотелось так, будто я не спал последние сто лет. — Вы, блять, просто невероятно любопытные.

— Ну чего ты такой бука? — примирительно поднял руки Кай, всё ещё задыхаясь. — Вэст, как обычно, отправился на «прогулку». Ему приспичило испить свежей кровушки. Жаль, что не девственниц, он бы разочаровался.

— Такое только тебе, Кай, и нравится, — Джаспер прислонился к стене, и на его лице читалось неприкрытое презрение к брату.

Началось. Боже, моему терпению позавидовал бы святой. Я терплю этих идиотов уже пятьдесят лет. Я считал, сколько раз мне хотелось свернуть им шеи — честно, я сбился со счёта. Но они... они просто не боятся. Меня! Великого Питера Пэна, чье имя шепчут с ужасом и трепетом в обоих мирах.

Здесь, в Нетландии, время — это лишь концепция. Мы не стареем, не умираем... по крайней мере, так было, пока на остров не наложили это проклятие... Венди... Моя маленькая, жестокая девочка...

Закрыв глаза, я снова увидел её. Я скучал по ней так сильно, что это граничило с физической болью, но пустота, оставленная её уходом, была заполнена ядом предательства.

Вы верите в любовь? Я был фанатиком этой идеи. Даже пройдя через ад моего детства, даже проведя столетия в ледяном одиночестве, я продолжал верить. Даже когда моя Роза с корнем вырвала моё сердце и выплюнула его мне в лицо

со словами: «Я тебя ненавижу. Ты — чудовище», — я продолжал верить. Я верил, пока она не умерла, забрав эту веру с собой в могилу.

— Чувак, как думаешь, малышка Дарлинг — девственница? — вопрос прозвучал с таким неприкрытым, сальным интересом, что мне захотелось ударить его чем-нибудь тяжелым.

— Ты просто озабоченный дегенерат, Кай, — отрезал я.

— Хватит трепаться, валите уже отсюда, — я поудобнее устроился на подушке. — И да, она не девственница. Но если хоть один из вас решит, что может хотя бы пальцем её коснуться — я убью вас раньше, чем вы успеете сказать «Нетландия».

— О-о-о, он её зацепил! Сто пудов его яйца теперь у неё в кулаке! — заржали братья в унисон, и этот оглушительный смех эхом разнесся по комнате. — Ладно, Пит, не кипятись. Набирайся сил. Они тебе еще пригодятся... особенно против этой мелкой Энди.

Топот их шагов постепенно затих, и дверь тихо, почти издевательски, захлопнулась. Наконец-то.

Не стоит воспринимать слова Кая всерьез. Энди — всего лишь очередная Дарлинг. Очередная деталь в моем плане. Девочка, которая должна стать ключом к снятию проклятия.

Я позволил себе провалиться в тяжелый, беспросветный сон — туда, где нет предательства, где нет боли, и где я всё ещё был по-настоящему счастлив...

Глава 4

Динь

Утро в Нетландии встретило мрачным серым небом и дождём. Он часто шёл, а солнечные лучи уже давно не освещали остров. Всё вокруг окутала тьма. Все живые существа боялись вылезать из своих норок и пещер. Они знали, что не выживут. Что их плоть растерзают монстры, что питаются кровью и мясом. Эти монстры больше всего любили поедать людей, фей и таких же, как они сами. Потерянные мальчишки — так их называют на острове. Однако они не такие радужные и милые создания. Они чудовища, что уничтожают всё на своём пути, и Долину Шёпота...

— Динь-Динь, какой план? — тихий голос с хрипотцой прорезался в мою голову.

Возле стола, держа в руках карту, стояла Мэй. Она изменилась за это время. Стала прекрасной девушкой с пышными розовыми волосами, пухлыми губами и глазами, как ночь, полными интереса. Ей хотелось украсть с корабля Крюка то, что ему не принадлежит. Напакостить и утереть нос этому напыщенному пирату, который думает, что всё, что на этом острове находится, — его. Как и маленькие девочки-феечки, что он похитил.

Феечки. Как давно о них никто не слышал? Мы думали, что последние выжившие.

— Думаю, мы можем просто взорвать его корабль к чертям собачьим вместе с ним. — Это уже была Джозефина. Вот кто любит уничтожать всё. Она безжалостна, но это маска. Маска для других, чтобы никто не мог видеть её слабость. Смерть родителей изменила нас всех, особенно меня.

Я посмотрела в зеркало. Чёрные, как смола, волосы, красные, как у вампиров, глаза, равнодушный взгляд и лицо, не выражающее никаких эмоций. Как бы я ни пыталась его смягчить и мило улыбаться, выходил оскал. Устрашающее зрелище.

— Господи Иисусе, не улыбайся так больше, — Сильвер прижала руку к груди, изображая рвотные позывы. — Это выглядит жутко. Я бы не хотела, чтобы ко мне во снах приходило лицо Джокера.

— Как мило с твоей стороны, — только и ответила ей, полностью сосредотачивая своё внимание на предстоящем задании.

Никто в Нетландии даже подумать не может, что за неприемной дверью мясной лавки, пропахшей старой кровью и специями, начинается узкая винтовая лестница, уходящая глубоко под землю. Воздух здесь сырой и тяжёлый, пахнет плесенью, кислым элем и мокрой шерстью. Внизу — лабиринт из перестроенных катакомб. Вместо факелов — украденные магические светильники, дающие тусклый, дрожащий свет. Вдоль стен тянутся ряды сундуков, набитых безделушками, отмычками и ворованными драгоценностями. Са-

ми стены исписанны именами. В центре большой комнаты стоит огромный дубовый стол, заваленный картами островов и пустыми бутылками. В углу, в клетке, спит прирученная крыса-переросток, любимое животное Мэй. Оно настолько уродливое и пугающее, что никому бы не хотелось попадаться ему на глаза. Каждый шаг отдаётся эхом, и кажется, что за тобой наблюдают из тени.

Подойдя к столу, я вырываю из рук Мэй карту и раскрываю её над столом.

Нетландия была бесконечной, остров, наделённый разными живыми существами. Когда-то волшебное и прекрасное место, сейчас же мрачное, опасное и несущее за собой смерть.

Глядя на карту, меня волнует лишь одно. Это разрушить план Крюка и спасти маленьких девочек. После того, как «Сердце Фей» сгорело в огне, больше на свет не появлялись феи. А те, что жили в Долине, были убиты, как наши родители. Я думала, что там, в районе груди — где должно биться сердце, — что-то сожмётся, вздрогнет, кольнёт болью, но ничего.

Ничего.

— Скоро в Нетландии начнутся игры. Каждый обитатель этого острова примет участие. Поэтому мы должны спасти их раньше. — медленно начала я.

— А почему не сделать это во время игр? — предложила Сильвер. — Будет хорошим отвлечением.

— Я согласна с Си. Кто-то один из нас мог бы пробраться на корабль и выпустить девочек. Будет меньше шума. — Мэй села на стол, положив ногу на ногу.

— Отстой. — разочарованно сказала Джо. — Я думала, мы наконец-то покончим с Крюком. Они все правы. Мы должны меньше привлекать к себе внимание, но и от этого кретина-пирата должны избавиться. Слишком много от него проблем. Он ворует то, что нам нужно. Как будто делает это назло.

— Джо, тебе всегда хочется что-то уничтожить. Может, поубавишь свои хотелки? — Мэй посмотрела на сестру с вызовом.

— А может, мне размазать тебя по стенке, чтобы поубавить твоё нытьё? — огрызнулась та, хищно улыбаясь.

— Мда, начинается. — Сильвер тяжело вздохнула и с осуждением посмотрела на каждую. Иногда мне кажется, что из всех нас она самая взрослая и рациональная. Умна не по годам, даже в свои 18.

— А может, тебе пойти нахрен, дорогая сеструха? — Мэй прыгнула со стола и приблизилась к Джозефине.

Воздух начал накаляться, он медленно вихрем поднимался вокруг нас.

— А может, вам обеим надрать задницы, чтобы вы сосредоточились на главном? — сталь в моём голосе заставила в мгновение прекратиться назревающей борьбе.

Сёстры виновато опустили глаза и отступили друг от дру-

га. Вроде взрослые, а ведут себя как дети.

— Спасибо, Ди... Мне хватает того, что эти обе каждый день пытаются поубивать друг друга. Что будет на играх... — Сильвер покачала головой, недоумевая, как быть.

— План таков. В день начала игр, когда пройдут сборы и каждая команда представит себя, вы всё внимание возьмёте на себя. А это значит, что с вами меня не будет. Я освобожу феечек и спрячу их, чтобы они были в безопасности.

— То есть мы должны устроить шоу, от которого все будут в восторге? Или от которого у всех случится совместный инсульт? — с предвкушением задала вопрос Мэй.

— Все должны быть живы. Просто сделайте наше появление грандиозным.

— Взорвать что-то можно? — Джо потёрла ладошки друг о друга.

— Поговаривают, что создатель этих игр будет присутствовать. Он вместе со своей командой хочет понаблюдать за всем процессом. — Сильвер достала из-под плаща лист, напоминающий газетку.

— Конечно, собирается. На этот раз приз масштабный. Лунный камень — тот, что порождает и даёт жизнь. Мы ради него и будем участвовать в этом году. — Мэй посмотрела на меня и слегка нахмурилась. — Мы ведь возродим долину Фей?

Вопрос был неожиданным. Потому что мы всегда это хотели сделать. Сколько мы пытались — со счёта можно сбить-

ся. Не выходило. И этот камень — наша последняя надежда. Почему именно сейчас ОН поставил на кон такую ценную вещь? Он - Питер, мать вашу, Пэн.

Тот, кого я хочу убить. Тот, что уничтожил моё прошлое и будущее, даже не подозревая об этом.

Злость и чувство мести бурлили во мне, от чего кровь вскипала, а руки сжались в кулаки.

Они все ответят. Каждый кто приложил руку к смерти моей семьи пожалеют о том, что они существуют на этом свете.

Мы с сёстрами скитались по всей Нетландии. Если ещё в детстве нас пленил другой мир за пределами дома, то после его уничтожения всё не имело смысла. Мы не живём, а выживаем в этом мрачном месте. Здесь даже воздух пропитан смертью. Нам нужно вернуть свет, наш дом, нашу жизнь.

Глава 5

День

Прошлое

Предвкушение ночной прогулки ощущалось всеми фибрами тела. Я ждала с сестрами, когда мы наконец-то отправимся в путь.

Я почувствовала их раньше, чем услышала. Воздух вокруг домика - маленького, увитого плющом деревьев - вдруг стал тяжелым, будто перед грозой. Пыльца фей, обычно танцующая в лучах лунного света, опала на землю серым пеплом. Светлячки, что всегда кружили у крыльца, разом погасли и спрятались в траве.

А потом пришел звук.

Сначала - далекий, почти нежный. Смех. Детский, звонкий, но с какой-то неправильной нотой, будто смеялись нет от радости, а от предвкушения. Потом - топот. Босые пятки, десятки пятен, неслись по лесной подстилке, ломая ветки, сминая цветы, не разбирая дороги. И под этим топотом - тонкий, влажный хруст. Хруст, который я не хотела узнавать. Хруст костей.

Их было семеро. Одетые в лохмотья, сшитые из шкур, листьев и чего-то, что ещё недавно было одеждой других существ. У некоторых на головах красовались самодельные короны из веток и птичьих черепов. У других - ожерелья из

зубов. Не зверинных. Слишком ровных, слишком белых.

Впереди шёл мальчик с острыми, как у лисы, глазами и улыбкой, разрезавшей лицо почти до ушей. В руке он держал нож - грубый, с засохшей на лезвии кровью. За ним - девочка с двумя косичками и пустым взглядом, крутившая в пальцах чью-то оторванную пуговицу. Остальные - тени, фигуры, что двигались слишком быстро и слишком бесшумно для детей.

Они не кричали. Они пели. Тихую, тягучую песенку на языке, которого не знала даже я - древнем, как сам страх.

<<Тень за тенью, шаг за шагом,

Мы приходим за тобой.

Дом твой станет нам приютом,

Ты - игрушкой. Ты - немой. >>

Мама тогда ворвалась ко мне в комнату, держа за руку Мэй, Сильвер и Джозофину.

-Немедленно спускайтесь в подвал. Живо!

Она открыла своей магией дверцу под землей, мы спустились туда и перед тем как она закрыла дверь, я спросила:

— А как же вы, мама? - голос мой был полон страха и надежды. —Где папа?

Но ответа не последовало. Мама взяла меня за руку и сказала:

—Милая моя, ты должна будешь позаботиться о своих сестрах. Всегда защищай их, даже ценой своей жизни. - она ещё раз осмотрела нас своим любящим взглядом и заперла

дверь.

Раздался удар. Один. Второй. Третий - дверь сорвалась с петель, влетев внутрь вместе с осколками коры и брызгами росы.

Я прижала сестёр к себе и тихо шептала слова утешения. Холодок пробежал по спине. Через маленькую щель я видела то, что было скрыто от глаз сестёр.

В проёме стоял мальчик. Тот самый, с ножом. Он посмотрел на маму сверху вниз - хрупкую, светящуюся, дрожащую - и наклонил голову, как любопытный зверек.

—Ой, - сказал он почти нежно. —Она светится. Если её раздавить, будет красиво.

За его спиной раздался хохот. Девочка с косичками переступила порог и провела пальцем по стене, оставляя грязный след. Там, где она касалась, плющ засыхал и чернел.

Я не знала, сколько их было на самом деле. Семеро? Двадцать? Они вылезали из каждой щели, из каждой тени. Один из них схватил светлячка, что пытался укрыться под листом, и раздавил его между пальцами, с интересом глядя, как гаснет зелённый огонек.

Дом был небольшим, но уютным. Теперь он стал клеткой. Потерянные, так нам когда-то сказала мама, зовут мальчишек, что выбрали другую жизнь, разоряли всё: рвали занавески из лепестков, разбивали чашечки из желудей, ломали стол и шкафы из коры дуба. Один мальчик нашёл мою коллекцию - пыльцы, собранную по крупинке, - и высыпал в

грязь, растоптав ногами. Другой разбил зеркальце из льда - осколки впились в крыло мамы, и она вскрикнула. Сердце сжалось в тисках, огоня внутри разрывало на части.

—Закройте уши - хрипло прошептала.

Но хуже всего было не они. Хуже было то, что они принесли за собой. За ними, из леса, выползла тьма. Не просто ночь - нечто. Голодное. Живое. Оно стекало по стволу дерева, заполняя дупло, гасило любой свет. И в этой тьме, я видела лица. Другие феи. Другие существа. Все те, кто когда-то жил в этом лесу. Все - с открытыми глазами и ртами, застывшими в немом крике. Мальчик с ножом присел перед мамой на корточки. Его глаза блестели в темноте.

—Знаешь, почему мы пришли именно к тебе ? - спросил он тихо, почти ласково.—Потому что ты - последняя. Все остальные уже с нами. Мы забрали их имена, их свет, их песни. Осталась только ты. Одинокая. Никому не нужная.

Ох, как ты ошибаешься. Внутри зараждалась ярость, которой никогда не было ранее. Мне хотелось убивать. Мне хотелось вцепиться в его глотку и растерзать её.

—Ты уверен, что Питер не узнает, что мы позаимствовали его тень? - вопрос, который задан девушкой с косичками был неожиданным.

Питер?

—Он слишком тебя любит, чтобы понять это. - ответил мальчик с безумной улыбкой на лице. — Есть ли пожелания перед смертью?

—Гори в аду!

Это последние слова, которые сорвались с губ мамы. Нож вошёл под ребра, снизу вверх, туда, где у фей бьётся сердце. Я видела, как лезвие - грубое, выщербленное, с засохшей тёмной кровью - вошло в маму до рукояти. Мама вздрогнула. Её крылья дёрнулись, рассыпая искры, будто кто-то раздавил светлячка. Из раны хлынул свет - не кровь, а свет, жидкий, золотой, пульсирующий. Он залил руки мальчика, закапал на пол, впитываясь в половица и попадая на нас с сёстрами. Я слышала их плачь, как они всхлипывали от боли, что уничтожала все внутри. Настолько она была не выносима, что скрючивала, заставляя ломаться все кости. Как-будто этот нож сейчас медленно режет меня, не щадя.

Глаза закрылись, хотелось чтобы это было кошмаром, очередным сном. Что когда мы проснёмся увидим за столом мама и папу, державшихся за руки и нежно смотрящих на каждую из нас. Но перед глазами только детали, которые врезались в память навсегда: крылья, которые гасли - медленно, как закат, который кто-то тушит пальцами, свет, который вытекал из раны и впитывался в землю, оставляя тёмное пятно. Лицо мальчика - спокойное, почти скучающее. Он вытащил нож, посмотрел на лезвие, будто проверяя, достаточно ли оно острое, и облизнул губы. Голос - его голос, тихий, почти нежный, безумный.

Открыв глаза, я видела как мама упала лицом на пол. Её

крылья сложились, как лепестки увядающего цветка. Свет вокруг неё погас - не сразу, а постепенно, будто кто-то задувал свечу. Последнее, что она сделала, - губы шевельнулись без звука шепча „ живи ради них" Пальцы дрогнули, глаза закрылись. И свет погас окончательно.

Он погас не только там, но и внутри. Мир остановился. Звуки исчезли. Осталась только пустота внутри. Не чёрная, не серая - просто ничто. Как будто кто-то вырвал из меня сердце и оставил дыру.

Мальчик с ножом всё ещё стоял над телом мамы. Улыбался. А я смотрела на пепел мамы, который оседал на моих ладонях, и чувствовала, как дыра внутри начинает дышать.

Сначала это было тепло. Неприятное, чужое. Оно зародилось где-то в груди -там, где раньше билось сердце, - и начало расти. Как семя, брошенное в благодатную почву. Как капля чернил, упавшая в чистую воду.

Руки сжались в кулаки, ногти - обычно мягкие, как лепестки, - стали острыми, как шипы. Воздух вокруг начал дрожать.

Мальчик и все присутствующие почувствовали это. Он перестал улыбаться. Шагнул назад — впервые за всю ночь.
—Что это?

—Динь... — тихий, пропитанный ужасом голос Мэй , слышался позади.

Первое, что изменилось, - волосы. Когда-то они были бе-

лыми, как первый снег, как лунный свет, как пыльца крыльев. Теперь по ним поползла чернота. Не краска, не грязь - живая тьма. Она стекала от корней к кончикам, как чернила, пролитые на бумагу. Прядь за прядью. Снег превращался в ночь.

Я не видела этого. Но чувствовала - как что-то тяжелое растёт из моей головы, как что-то холодное касается шеи. Пепел мамы на моих волосах почернел и впитался.

— Божье... - это уже шептала Джозефина, прикрывая рот ладошкой.

Потом пришли глаза. Голубые - как небо, как вода, как лёд. В них всегда было что-то светлое. Что-то, что заставляло фей улыбаться.

Теперь это умирало.

Голубизна тускнела, будто кто-то заливал её изнутри. Зрачки расширились, затапливая радужку. А потом в глубине вспыхнуло красное. Сначала - слабое, как уголёк. Потом - ярче. Как кровь. Как огонь. Как ярость, которой не было имени.

Я подняла голову. Посмотрела сквозь щель на мальчика с ножом. И он отшатнулся. Увидел.

— Твои глаза...

Я чувствовала, что там большие не было того ребёнка, какой меня видели. Там была бездна.

Я не закричала. Не заплакала. Просто отпустила то, что росло внутри.

Тьма вырвалась, как вода из прорванной плотины. Она не была тенью или дымом - она была живой. Голодной. Точно такой же как у этого мальчика. Она разлилась по земле черными щупальцами, поползла по стенам, деревьям так, что свет звёзд погас.

Дверь от подвала разлетелась в щепки. Первым умер мальчик, который раздавил счетлячка. Тьма Накрыла его, и он рассыпался - не на пепел, а на ничто. Просто был - и не стало. Даже крика не успел издать.

Потом тьма хотела добраться до девочки с косичками, но её октулала другая тень, такая же мощная и сильная. Она вихрем обвила её, защищая.

Потерянные мальчишки бежали. Все, кто мог. Но тьма была быстрее. Она не убивала - она стирала. Сначала - тех, кто смеялся. Потом - тех, кто прятался за деревьями. Потом - тех, кто пытался драться.

— Что за....- голос был потерянным, мальчик с ножом весь трясся.

Лес опустел. Не стало ни хохота, ни песен. Только тишина, как смола.

Я смотрела на двух выживших. Девочку с косичками и мальчика с ножом.

— Не надо, Динь. - теплая рука коснулась запястия. — Не опускайся до их уровня. Ты не монстор, ты фея - добрая фея.

Джозофина смотрела на меня пристально, в глазах была

решимость и твердость в сказанном ранее.

— Они животные и достойны сдохнуть. - а это уже была Мэй. Сталь и холод в её голосе, заставил пальцам дрогнуть.

Этого времени было достаточно, чтобы эти мрази сбежали. Они выжили. Они не достойны этой жизни...

Питер...Питер...ты тоже не достоин...

Глава 6

Энди
Первое,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.